

Межфакультетский курс

«Научная революция XVI–XVII вв.: ученые, власть, общество»

Менцин Ю.Л. – к.ф.-м.н., заведующий Музеем истории университетской обсерватории Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга (ГАИШ) МГУ.

Лекция 11 (дополнительная)

Данная лекция является продолжением предыдущей лекции, а также теоретическим дополнением к ней, позволяющим лучше понять, почему колоссальное вливание денег в английскую экономику, осуществленное в ходе финансовой реформы конца XVII века, привело не к расцвету экономики, не к вспышке инфляции. Правительство и Центральный банк Российской Федерации считают борьбу с инфляцией своей главной задачей, ради решения которой приходится ограничивать доходы населения и капиталовложения в производство, вывозить «излишки» валюты за рубеж и т.п. Безусловно, инфляция (лат. inflation – вздутие), или чрезмерное увеличение находящейся в обращении массы бумажных денег, для экономики опасна. Она, инфляция, ведет к росту цен, уничтожению сбережений, падению уровня жизни и, как следствие, коллапсу экономики. (Вспомним наши 90-е.) Так что, если просто запустить печатный станок, ничего хорошего для страны не будет. Однако при менее сильном росте объема денежной массы связь этого объема с уровнем цен носит весьма сложный характер, далекий от линейной зависимости. Исследованиям характера этой связи посвящено множество работ современных экономистов. Тем не менее, для рассмотрения данного вопроса я хочу обратиться не к современным работам, рассчитанным на узких специалистов, а к трудам «старика Маркса» – ученого, заложившего основы методологии анализа подобных проблем.

Карлу Марксу в России не повезло трижды. Вначале под марксистскими лозунгами была устроена революция, имеющая к учению Маркса весьма отдаленное отношение. Затем это учение было объявлено высшей истиной, а сам Маркс, скептик и атеист, превращен чуть ли не в икону. И наконец, 30 лет назад, внезапно «прозрев», его стали оплевывать все, кому не лень, в особенности бывшие преподаватели марксизма-ленинизма и научного коммунизма. Об отношении к Карлу Марксу (1818–1883) красноречиво говорит и тот факт, что 200-летие со дня его рождения, отмечавшееся в 2018 году, прошло в нашей стране почти незамеченным. Впрочем, для судьбы научного наследия ученого важнее не юбилей, а то, что его труды, якобы за ненадобностью, почти полностью убрали из учебных программ многих вузов. Между тем, в программах западных университетов изучение этих трудов продолжает занимать важное место, что объясняется не «левизной» европейских и американских интеллектуалов, а тем, что, не

поняв Маркса, трудно, а порой просто невозможно понять последующее развитие социологии, экономики и философии. На Западе Маркса не «проходят», а изучают, с ним спорят, и спорят ожесточенно. (См., например, книгу Ричарда Лахмана «Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М., 2010.) Но это значит, что теории Маркса по-прежнему актуальны.

Карл Маркс о заработной плате, цене и прибыли

С тех пор, как рабочие изобрели забастовку, в их адрес правительства, предприниматели и даже часть самих рабочих выдвигают, в общем-то, одно и то же обвинение. «Да, говорят противники забастовок, рабочим, конечно, тяжело. Но кому сейчас легко? Рабочие явно утратили чувство меры, и не хотят понять, что выполнить их требования можно только за счет повышения цен на выпускаемую ими продукцию, то есть за счет других рабочих. Бастующие просто не желают думать о других, и, того гляди, добастуются до сворачивания производства, безработицы и всеобщей нищеты. Требования бастующих – эгоизм чистой воды, и, если они действительно хотят жить лучше, то должны больше и лучше работать, быть бережливее и тогда общее улучшение жизни в стране позволит повесить их доходы».

Нельзя сказать, что рабочие доверяли подобной аргументации, однако по мере того, как они все большее осознавали себя политической силой мирового уровня, обвинения в бессмысленности их борьбы и эгоизме по отношению к другим трудящимся игнорировать больше было нельзя. В 1865 году в Лондоне состоялось экстренное заседание I Интернационала, посвященное обсуждению теоретических аспектов борьбы трудящихся за свои экономические права. Поводом к обсуждению послужил, с одной стороны, беспрецедентный рост забастовочного движения в Европе, а, с другой, – доклад рабочего, члена Генерального совета Интернационала Джона Уэстона, в котором утверждалось, что борьба за повышение заработной платы ничего не дает рабочим, так как это повышение тут же компенсируется ростом цен. Поэтому единственным результатом всеобщей забастовочной борьбы будет лишь перекладывание денег из одного кармана в другой, а не реальное улучшение жизни трудящихся. С ответным докладом «Заработная плата, цена и прибыль» выступил Карл Маркс.

В своем докладе Маркс, прежде всего, отметил мужество Уэстона, рискнувшего выдвинуть во имя установления истины тезисы, не пользующиеся популярностью в рабочей среде. Что же касается истинности этих тезисов, то они, по мнению Маркса, содержат в себе грубую и весьма распространенную ошибку – представление о том, что предприниматели могут устанавливать цены на производимые товары по своему усмотрению, не учитывая условий, складывающихся на рынке. Так, повысив цены, чтобы компенсировать расходы на более высокую заработную плату, предприниматель рискует не найти покупателя на свою продукцию. Кроме того, продолжал Маркс, если рассуждения Уэстона верны, то предприниматели должны бояться понизить заработную плату рабочим, так

как это приведет к падению цен на продаваемые товары. Между тем, хорошо известно, что предприниматели не боятся этого, и рабочим постоянно приходится бороться уже просто за сохранение своих заработков. Но, если Уэстон считает разумной борьбу рабочих против понижения заработков, то почему неразумна борьба за их повышение?

По мнению Маркса, центральное место в тезисах Уэстона занимал, следующий, казалось бы, неопровержимый аргумент. Рабочий класс, рассматриваемые в целом, тратит почти весь свой доход на предметы первой необходимости. Поэтому повышение средней заработной платы вызовет рост спроса на эти предметы и, следовательно, рост их цен, что компенсирует убытки капиталистов и ликвидирует доход рабочих. Отвечая Уэстону, Маркс отметил, что сказанное им справедливо лишь для капиталистов, производящих предметы первой необходимости. У капиталистов же, производящих товары высокого достатка и роскоши, дела будут обстоять иначе. Между тем, продолжал Маркс, в обществе, где 2/3 национального продукта потребляется пятой частью населения, производителей таких товаров очень много, и они не смогут компенсировать падение прибыли повышением цен на свою продукцию, так как спрос на нее упадет. В результате капитал начнет перетекать в те области производства, где норма прибыли выше, что приведет к увеличению производства товаров первой необходимости и соответствующему снижению цен на них до уровня, обеспечивающего равную норму прибыли во всех областях производства. Таким образом, следствием повышения заработной платы станет не только перераспределение доходов между богатыми и бедными, но и структурное изменение экономики – ее переориентация на удовлетворение нужд малообеспеченных слоев населения.

Поскольку подобные рассуждения могли показаться слишком далекими от реальной жизни, Маркс напомнил в своем докладе о принятом в 1848 году в Англии билле о полуторачасовом сокращении рабочего дня при сохранении прежней заработной платы. Это сокращение, осуществленное принудительным образом во всех ведущих отраслях английской промышленности, соответствовало повышению почасовой заработной платы, и рассматривалось тогда многими экономистами как подрыв конкурентных возможностей Англии на мировом рынке, как «похоронный звон» по ее экономическому могуществу. В действительности же этот билль, спасший страну от революции, не только содействовал уменьшению безработицы и развитию производительных сил рабочих, но и привел к падению цен на фабричные продукты.¹ Тем самым были созданы условия для непрерывного расширения рынков сбыта английских товаров. К аналогичным результатам в последующие годы привело и инициированное правительством повышение на 40% средней заработной платы сельскохозяйственным рабочим. Благодаря

¹ Именно в ходе этих реформ Англии понадобилось существенно увеличить объем денежной массы, что привело к назначению в 1850 году на должность директора Монетного двора астронома Джона Гершеля, о чем уже упоминалось в Главе X.

этим мерам, условия жизни рабочих улучшились, а цены на английскую пшеницу снизились на 16%. Таким образом, подвел итог Маркс, мы видим, *«что за некоторыми, скорее кажущимися, чем действительными исключениями, в среднем высокооплачиваемый труд производит дешевые товары, а низкооплачиваемый – дорогие».*

На первый взгляд, вывод Маркса противоречит здравому смыслу, в основе которого лежит широко распространенное (и настойчиво пропагандируемое в СМИ) представление о том, что уровень цен зависит исключительно от количества денег, находящихся в обращении. Поэтому любое увеличение государством средней заработной платы или пенсий обязательно, так как количество производимых товаров при этом не изменится, приведет к аналогичному росту цен и, значит, не принесет людям реального улучшения их благосостояния.²

Для понимания связи стоимости труда и цены товаров важно учитывать, что заработная плата, по Марксу, – это не только экономическая, но и сложнейшая социально-политическая категория. Величина средней заработной платы обусловлена историей и культурой страны, ее современным положением, традициями борьбы трудящихся за свои права и многим другим. При этом дешевизна рабочей силы далеко не всегда влечет за собой дешевизну производства. В своем «Капитале» Маркс рассматривает в качестве курьеза случай, когда предприниматель, соблазнившись дешевизной рабочей силы в одной из колоний, попытался развернуть там производство. Ничего хорошего из этого не получилось. Получив аванс, туземцы просто перестали ходить на работу. Что же касается стран, где труд дорог, то это те страны, объяснял Маркс, где труд берегут и стремятся использовать максимально рационально, где непрерывно вкладывают средства в усовершенствование производства, что, в конечном счете, и ведет к удешевлению производимых товаров. Собственно, именно в росте производительности труда заключается главная причина отмеченного Марксом положительного воздействия на экономику перелива капиталов в сферу производства товаров массового потребления. В этой сфере возможна, например, механизация при выпуске однотипной продукции. Поэтому увеличение заработной платы трудящимся ведет не к простому перекалыванию денег из одного кармана в другой, как это считал Уэстон, а к структурной перестройке экономики. В случае же увеличения доходов богачей деньги, скорее всего, будут истрачены на дворцы, яхты, произведения искусства, наем слуг, зарубежные турне и другое, что вряд ли будет способствовать росту производительности труда.

² В связи с пандемией коронавируса, в этом году был поставлен экономический эксперимент планетарного масштаба по выплате населению сумм, исчисляющихся многими триллионами (!) долларов. К немалому изумлению экономистов, эти беспрецедентные выплаты не привели к тому росту цен на большинство товаров, которым пугали финансовые алармисты.

Не только в Англии и не только в промышленности

Одним из наиболее впечатляющих подтверждений справедливости теоретического анализа Маркса является, на мой взгляд, знаменитый «новый курс» Франклина Рузвельта, благодаря которому удалось обуздать аппетиты американских богачей и осуществить перераспределение доходов в пользу малоимущих слоев населения. Как известно, реформы Рузвельта позволили вытащить США из пропасти Великой депрессии и заложить основы социально ориентированной рыночной экономики.³ В послевоенные годы по этому пути, причем гораздо смелее, чем США, пошла Западная Европа, а затем Япония и ряд стран Юго-Восточной Азии.

А вот пример из российской истории. В середине 1870-х годов знаменитый русский химик Д.И. Менделеев выдвинул предложение освободить российские нефтепромыслы от акцизных сборов. Опираясь на глубокое изучение отечественного и зарубежного опыта, ученый объяснял министру финансов М.Х. Рейтерну, что эти акцизы (их величина составляла всего 300 тыс. рублей в год) душат рождающуюся нефтедобывающую промышленность. Отказ же от них вознаградится быстрым развитием нефтепромыслов и обернется многомиллионными доходами. Первоначально Рейтерн назвал эти предложения «профессорскими мечтаниями». Позже он все-таки прислушался к советам Менделеева и отменил акциз, что дало толчок к быстрому развитию нефтеперерабатывающей промышленности и вскоре позволило России отказаться от импорта американского керосина.⁴

Интересно отметить, что выявленная Марксом связь цен и заработной платы, судя по всему, действует не только в промышленном производстве. В книге экономиста Б. Смита о послевоенной научной политике в США приводятся данные о том, что на 1 миллион долларов затрат в астрономии и астрофизике приходится: в США – 12,3 публикации; Японии – 1,6; Германии 2,6; Франции – 2,0; Великобритании – 5,1; Нидерландах 2,8. Сходные данные Смит приводит и по числу научных публикаций на 1 миллион долларов затрат в атомной физике.⁵ Конечно, нет никаких сомнений в том, что на эти цифры повлияло множество различных факторов. Но несомненно и то, что продукция гораздо высокооплачиваемых и располагающих прекрасно оснащенными лабораториями американских ученых стоит существенно дешевле продукции их зарубежных коллег.

³ Одним из консультантов Фр. Рузвельта был выдающийся английский экономист Джон Кейнс, на мировоззрение которого в молодости оказали сильное влияние идеи Маркса. Часто говорят, что окончательно справиться с Великой депрессией Рузвельту помогла вторая мировая война. Это, действительно, так. Именно война дала Рузвельту право выплачивать из бюджета страны огромные деньги тем миллионам военнослужащих и рабочих военных заводов, которые, не будь войны, продолжали бы владеть нищенское существование на пособия по безработице или скромные заработки на общественных работах.

⁴ *Дмитриев И.С.* «Особая миссия» Менделеева: факты и аргументы // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 126–141.

⁵ *Smith B.L.R.* American Science Policy since World War II. Wash., 1990.

Безусловно, открытое Марксом снижение цен при увеличении заработной платы не может продолжаться без конца. (Сам Маркс в письме Энгельсу отмечал, что в своем докладе был вынужден использовать сильно упрощенную модель экономических процессов.) По мере роста доходов рабочих в развитых странах производство ряда товаров приходится переводить в страны с более дешевой рабочей силой, где, впрочем, тоже начинается рост средней заработной платы. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. японские рабочие добились удвоения своей реальной заработной платы. Многие экономисты тогда предрекали, что это удвоение аннулирует дешевизну японских товаров и подорвет конкурентные возможности страны. Вскоре, однако, выяснилось, что японские товары еще больше упрочили свои позиции на мировом рынке. Причем это было достигнуто не только благодаря их сравнительно более низкой цене, но и благодаря ставшему легендарным качеству, обеспечиваемому блестящей организацией труда, инициативой и технической оснащенностью высокооплачиваемых японских рабочих.⁶ Аналогичные метаморфозы происходили в ряде других стран (Южная Корея, Тайвань, Малайзия и др.), а сейчас происходят в Китае, где, благодаря непрерывному росту доходов населения и, как следствие, емкости внутреннего рынка, удается сохранять высокие темпы развития экономики даже в условиях мирового кризиса.

Игра рынков: от Коперника до наших дней

Главная заслуга Маркса состояла в том, что он осуществил наиболее (на то время) фундаментальный и всесторонний анализ капитализма как особой, глобальной рыночной системы организации экономики. Но вот то, что рынки способны преподносить различные сюрпризы и неожиданности, экономисты начали понимать задолго до Маркса.

В XVII веке английские экономисты отметили и объяснили тот странный факт, что при снижении доходов населения цены на хлеб не падают, а растут. Дело в том, что из рациона бедняков исчезало мясо и другие, более дорогие продукты питания, но зато возрастало потребление хлеба. При этом рост спроса на хлеб не сопровождался ростом его производства. Бедняки просто съедали то зерно, которое раньше шло на корм скоту. Объяснение получила и другая интересная закономерность – рост доходов населения в Англии в эпоху Реставрации (1660–70-е гг.) сопровождался ростом урожайности зерна. Причиной этого роста стало увеличение потребления мяса, и, как следствие, рост поголовья скота, что позволило фермерам лучше удобрять землю.

⁶ В 1950-е и даже в начале 1960-х годов марка “Made in Japan” воспринималась на Западе так же, как у нас еще недавно воспринималась марка “Made in China”. Для того чтобы пользоваться дешевой рабочей силой, необходимо научить ее качественно работать. При этом она быстро перестает быть дешевой, приходится искать новые подходящие страны. Эту игру с рынками развивающихся стран мы и наблюдаем уже более полувека.

В предыдущей лекции я рассказывал, что в первой половине XVI века Николай Коперник открыл закон, согласно которому одновременное и равноправное хождение на рынке полноценных и неполноценных денег неизбежно ведет к вытеснению первых, так как каждый будет стараться расплатиться неполноценными монетами, а полноценные припрятать. Одновременно Коперник сформулировал принципы финансовой политики государства, направленной на оздоровление денежной системы. Одним из важнейших принципов этой политики была рекомендация правительству не пытаться нажиться на выпуске полноценных денег. К сожалению, эти идеи Коперника показались его современникам столь же безумными, как и гипотеза о движении Земли вокруг Солнца.

В современной экономической науке анализ динамики рынков является одним из важнейших направлений исследований. Так, в 2001 году американский экономист Джордж Акерлоф (Akerlof) стал, совместно с Джозефом Стиглицем и Майклом Спенсом, лауреатом Нобелевской премии по экономике за анализ рынков с асимметрией информации. В качестве примера такого рынка Дж. Акерлоф использовал рынок подержанных автомашин. Владелец таких машин лучше покупателя знает их скрытые недостатки и достоинства. (Недостатки новых машин не знает ни продавец, ни покупатель, и в этом незнании они равноправны.) Поэтому, если владелец хочет продать действительно хорошую машину, то покупатель, страхуясь от обмана, не даст за нее справедливую цену. Как следствие, на таком рынке плохие машины будут вытеснять хорошие, подобно тому, как по закону испорченной монеты Коперника, из оборота вытесняются хорошие деньги. В результате такой рынок быстро деградирует.

Историк и политолог В.М. Сергеев пишет, что закон Акерлофа позволяет понять, почему невозможен успешный рынок научно-технических инноваций. Ведь на таком рынке (например, при выделении грантов) преимуществом всегда будут пользоваться не авторы глубоких идей, понятных немногим и требующих для своего развития длительной и серьезной разработки, а малограмотные прожектёры, сознательно или несознательно обманывающие покупателя.⁷ К сказанному В.М. Сергеевым можно добавить лишь то стремление всех государств в послевоенные десятилетия (мы тут отнюдь не одиноки) получить ученых числом побольше, а ценой подешевле, обернулось отмеченной многими исследователя тенденцией к непрерывному удорожанию научных исследований. Каждый новый и мало-мальски ценный научный результат стоит обществу всё дороже. Как объяснял Карл Маркс, низкооплачиваемый (не только деньгами, но и социальным престижем, вниманием со стороны общества) труд производит, увы, дорогие товары.

⁷ Сергеев В.М. Народовластие на службе элит. М., 2013. С. 228–230.